

Родители из «Ауры» создают мостики взаимодействия с различными государственными структурами, совместно прорабатывая и корректируя условия: сейчас, в реальной практике результатом этого сотрудничества стало развитие и реализация адекватного мягкого инклюзивного образования в Томске (как школьного, так и дошкольного), подбор и обучение соответствующего персонала для инклюзии. В медицинских учреждениях проходят открытые общественные мероприятия, общение с медицинскими работниками для развития правильной и быстрой диагностики данного расстройства.

Таким образом, дискурс родителей детей с аутизмом неоднороден. Категоризация аутистов как «особенных детей» подразумевает выстраивание барьеров, дистанции с социумом. Среда в нем описана как «враждебная» и возможные изменения в отношении описываются как «сказка», «фантастично». Носители его не готовы проявлять социальную активность.

Дискурс родителей, которые воспринимают аутизм как нетипичность, больше приближен к обыденности, имеет реальную активную направленность, которая приводит к созданию партнерских отношений с обществом. Дискурс родителей-участников общественных организаций более ориентирован на включение в социум, несет большие возможности для изменения социального восприятия феномена аутизма.

Литература

1. Уолкер Н. Аутизм и парадигма патологии [Электронный ресурс]. URL: <https://neurocosmopolitanism.com/autism-and-the-pathology-paradigm/> (дата обращения: 20.08.2020).
2. Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997.
3. Wetherell M., Potter J. Mapping the language of racism: Discourse and the legitimation of exploitation. London; New York : Harvester Wheatsheaf, 1992.

УДК 101.1:316

А. М. Олешкова (Нижний Тагил, Россия)

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт

Биополитика: связь «археологии» и «генеалогии» в творчестве М. Фуко

В статье обозначены два периода творчества Мишеля Фуко, представлена попытка установить связь между ними, увидев пересечение идей в работах разных лет. Археологический период связан с разработкой понятия «эпистема», формированием взглядов на «дис-

курс» и «дискурсивность». Генеалогический период определяется обращением к феномену «власти». Представляется, что, несмотря на разные акценты и эволюцию взглядов Фуко, во-первых, категории «власть», «знание», «дискурс», «эпистема» можно рассматривать как однопорядковые и прямо пропорциональные друг другу; во-вторых, как следствие, регламентации тела, механизмы биополитики представляют собой частный случай власти и доказывают единство функционирования правил коммуникации и правил социальных практик. Биополитика, с одной стороны, представляет собой совокупность социально-политических процедур, регламентирующих повседневную жизнь общества, с другой – особый тип власти, в котором тело является ее объектом воздействия.

Ключевые слова: биополитика, власть, дискурс, эпистема, знание, тело

Обращаясь к теориям Мишеля Фуко, необходимо отметить несколько периодов творчества мыслителя, с одной стороны, а с другой – сложность определения его взглядов в терминах «структурализм» – «постструктурализм» – «постмодернизм».

В археологический период, с которым связывают формирование представлений Фуко о дискурсе, философ обратился к проблеме истинности и неистинности высказываний. Фуко использует понятие «эпистема». Это явление отражает дискурсивный принцип, согласно которому в каждую историческую эпоху истину можно обозначить только определенным образом. В этой связи эпистема и представляет собой принцип определения истины, а сама истина каждый раз связана с конкретно-исторической ситуацией. «Возникновение человека» как предмета изучения, как субъекта действия характерно не для каждой эпистемы, которая представляет собой «историю условий и возможностей» [8, с. 17, 34, 35]. Дискурс описывается не только и не столько как текстовая составляющая, сколько как социальная реальность. Совокупность социальных практик, которые свойственны субъекту, можно обозначить как дискурсивные практики, следует учитывать наличие в них семиотического элемента, требующего интерпретации. Именно эпистемы не только позволяют верифицировать истину, но и в целом ориентируют субъекта на то, что имеет значение, а что – нет, то есть фактически структурируют и истины, и ценности. Дискурс может определять эпоху [1, с. 101, 102].

Представляется, что именно данный тезис позволяет установить связь между археологическим и генеалогическим периодами в исследованиях Фуко. Дискурс – это скрытое желание, объект, власть [3, с. 52].

Можно сказать, что эпистемы, фокусируя внимание субъекта на том, что является истинным и значимым, ранжируют и табуизируют социокультурную действительность. Генеалогический период в творчестве Фуко представляет собой изучение проблем власти. Важно понимать, что «власть» у Фуко связана со «знанием». В свою очередь, знания будут иметь отношения к дискурсу, фактически отдельные знания – это часть дискурса. Кроме того, несмотря на то, что понятие «эпистема» используется в раннем периоде исследований ученого, его

можно учесть и во втором периоде, и опять же проследить связь с механикой власти, поскольку подразумевается, что эпистема фиксирует единый, фактически безальтернативный режим знания. Для субъекта, который находится в конкретно-исторической ситуации, существует однозначно трактуемое гомогенное социокультурное пространство, это значит, что любое отклонение от его структуры, несоответствие, обуславливает либо фактическое отсутствие феномена или самого субъекта в данной системе ценностей, либо интерпретацию их в категориях негативной девиации.

В генеалогический период «власти» приписывается не только деструктивный, репрессивный функционал, с этим явлением связана и творческая потенция субъекта. Именно власть фактически обуславливает социокультурное пространство, создает мир, в котором субъект имеет возможность быть субъектом. Власть структурирует социальные отношения, поскольку социальное как таковое представляет собой иерархию и по определению подразумевает структуру. В этом отношении опять же видна связь «генеалогии» и «археологии». Власть, представляя собой дискурс / эпистему, задает правила поведения и правила обсуждения этого поведения в данном социокультурном пространстве, то есть формирует основы данной конкретно-исторической ситуации. При этом эпистема – это конституирующий дискурсивный эпистемологический принцип, он представляет собой сущность процесса познания. Как с точки зрения «археологии», так и с позиции «генеалогии», мир иерархичен, можно говорить о деконструкции истины и иерархии власти, которые являются объективными условиями десубъективации субъекта. Потеря единства через рассредоточение знаний и потенций субъекта, однако, не дезавуирует саму сущность структуры. Правила продолжают определять высказывание и поведение субъекта. При этом слова и вещи пребывают в постоянном разрыве, который фиксирует многообразие дискурсов и сложность для субъектов говорить на одном языке.

Феномен биополитики одновременно выходит и на вопросы дискурса, и на проблемы власти в социально-философском аспектах. Понимая социальную действительность как дискурсивную, жизнь общества подлежит категоризации, оценке и управлению, в том числе и в его биологической ипостаси. В биополитике следует выделять внешний и внутренний уровни. С одной стороны, это комплекс социально-политических практик, направленных на организацию повседневности общества. С другой стороны, это соответствующая идеология, то есть определенным образом иерархизированная система ценностей, призванная сделать биологические процессы управляемыми и наделить их социокультурным смыслом. В таком случае тело можно понимать как объект власти, а дискурс, в котором артикулируется и воспроизводятся представления о соответствующих нормах можно трактовать как контроль над поведением субъекта, в соответствующем статусе которого, как следствие, можно усомниться. При этом в соответствии с тем, что власть имеет не только деструктивные, но и со-

зидательные потенции, при ее воздействии на индивида не представляется возможным в терминологическом отношении заменить понятие «субъект» на «объект». Вместе с тем следует учитывать спорность статуса индивида, группы, общества в процессе реализации власти.

Власть реализуется субъектом, и это всегда не единый субъект. Власть представлена сложной сетью взаимодействующих и противоборствующих структур. В этой связи следует предположить отсутствие единой цели и единого плана в реализации власти на разных уровнях, при этом сама идея структуры, иерархии, подчинения (следствие специфики феномена «социальное») – это тот конституирующий элемент, который не позволяет властному механизму утратить свой функционал.

В целом, согласно Фуко, можно говорить о нескольких проводниках власти: в частности, таких институтах, как армия, пенитенциарная система, система лечебных учреждений [2, с. 18, 32, 174]. Рассматривая тему в историческом контексте, Фуко особую роль отводит XIX веку, когда дисциплинарные формы воздействия на личность дополняются технологиями, воспринимающего конкретного субъекта как часть коллективного субъекта.

Дисциплинарная власть ориентирована на формирование субъекта как бы в заданных параметрах, критерием влияния на тело становится не просто формирование послушного субъекта, а именно повышение его полезности для функционирования больших систем: политики, экономики. В «Надзирать и наказывать» Фуко описывает способы регламентации тел в пространстве. Приводит в пример «дисциплинарную монотонность» тюрьмы, казармы, колледжа, мануфактуры [5, с. 172]. Во всех случаях действует механизм постоянного наблюдения, отслеживания результатов тех практик, на которые ориентирована (специализирована) каждая подсистема.

В дальнейшем биополитика как бы разомкнула круг подобного локального влияния на субъекта, при которой сохранялась «эсклюзивность» соответственного действия институтов. При этом дисциплинарная форма власти также сохранилась.

Фуко описывает механизм власти как комплексный, характеризуя, например, сочетания правосудия и усиления надзора, юстиции и полиции [5, с. 118].

Во многом в современных обществах биополитика имманентна самому обществу, она не является внешним фактором, сторонней областью, в которой субъект может оказаться, а может и избежать ее (тюрьма), или же должен оказаться лишь на определенный, четко регламентированный период (армия, школа). Можно сказать, что дисциплинарная власть ситуативна и трансцендентна, а современная массофицирующая биополитическая власть инвариантна и имманентна. При этом следует понимать связь, взаимную дополняемость обеих форм власти. Достаточно обратиться в областях применения биополитики: воспроизводство, рождаемость, заболеваемость, снижение трудовой активно-

сти, старость, искусственная среда (негативные факторы окружающей среды, которые стали следствием развития цивилизаций, издержки процесса урбанизации и др.) [6, с. 258].

Эти области применения биополитики отличаются масштабностью и подразумевают нового коллективного субъекта. Если правовая картина мира выводит на первый план «общество», а дисциплинарные практики воздействуют на «индивида», то обновленные технологии власти в условиях индустриального и постиндустриального общества описывают «население» [6, с. 258] – коллективный субъект, обладающий сложным многомерным телом, но все же телом.

Контроль может быть реализован через идеологию и сознание, но может и происходить посредством тела, в самом теле. В этой связи тело представляет собой биополитическую реальность [4, с. 82].

Современные биополитические механизмы подразумевают организацию и проведение процессов, которые являются более рациональными, чем прямое принуждение, и должны быть восприняты обществом как благо: меры безопасности, страхования, сбережения и др. [6, с. 258]. Перефразируя Фуко, «мораль акта наказания» [5, с.18] дополняется моралью актом поощрения. Представляется, что возможно сочетание «производства» свобод и принуждений [7, с. 87].

Эволюция биополитики привела к тому, что понятие «жизнь» начинает интерпретироваться одновременно в биологическом, политическом и моральном аспектах. В новых отношениях, которые выстраиваются между индивидом и властью в виде отдельных институтов, биологической функции приписывается значение полезности и (или) моральности.

Биополитика в условиях новейшего времени позволяет подвергнуть демаркации дискурсивное пространство «своего» и «чужого», «нормы» и «патологии». В оппозиции могут находиться и моральные трактовки, и поведение, что обуславливает использование понятия «дискурс», имеющее, с одной стороны, конкретно-историческое измерение, с другой стороны – предполагающее совокупность оценок и трактовок действий субъектов, ракурс понимания (исследования) самого субъекта и условий, в которых он находится, что позволяет говорить об эпистемах.

Сложность трактовки термина «биополитика» обуславливается отсутствием конвенционального его понимания в науке. В контексте теории Фуко можно интерпретировать биополитику и как явление, и как процесс. Это часть дискурсивного пространства, в котором есть иерархия, артикулированные нормы, образцы поведения и критерии оценки субъекта. Органицистский подход обуславливает реконфигурацию субъекта. На первый план выходит «тело», которое имеет не только биологические маркеры, но и наделяется моральными характеристиками. Ибо к поведению тела, телесным практикам предъявляется ряд требований, соблюдая (или не соблюдая) которые субъект обретает (или теряет) легально-легитимный статус.

Таким образом, если в археологический период акцент в философии Фуко сделан на проблеме эпистемы и дискурса как совокупности социальных практик, то в генеалогический период Фуко обратился к вопросам власти. Оптикой оценивания субъекта, который отвергает предлагаемую ему систему повседневных практик, располагают не только субъекты, транслирующие правила поведения (и высказывания), но и другие субъекты, которые расценивают новый биополитический порядок как норму. Как следствие, феномен биополитики и единая стратегия регламентации тел позволяет видеть единый механизм контроля над поведением и оценками поведения, следовательно, дает возможность соединить теоретические основы обоих периодов в творчестве Фуко.

Литература

1. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с. (Серия «Ars Riga. Французская коллекция»).
2. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сушлова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М. Касталь. М., 1996. 448 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с. (Серия «Новая наука политики»).
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
6. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
7. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. ст. Н. С. Автономовой, СПб.: А-cad, 1994. 407 с.